

И. Ф.
ГОРБУНОВ

Сочинения

Иван Федорович Горбунов

Монологи

«Какое вчерашнего числа с нами событие случилось... Просто, на удивленье миру! В нашем купеческом сословии много разных делов происходит, а еще этакой операции, так думаю, никогда не бывало...»

Содержание

СПРЯТАЛСЯ МЕСЯЦ ЗА ТУЧИ	.0005
БЛОНДЕН	0008
ТРАВИАТА	0010
ОТ МИРОВОГО	.0013
В ДЕНЬГАХ СЧАСТЬЕ	0016
ТОСТ ГЕНЕРАЛА ДИТЯТИНА	0020

Иван Федорович Горбунов

Монологи

СПРЯТАЛСЯ МЕСЯЦ ЗА ТУЧИ

Вот она жизнь-то моя какая! Капиталу много, а тоски и еще больше! (Поет).

*Спрятался месяц за тучки,
Больше не хочет гулять.*

Кабы в этом разе цыганов не было – помирать бы пришлось. Фараоны, в линию! Конокрады, по местам!

*Спрятался месяц за тучи,
Больше не хочет гулять.*

За любовь претерпел! Так нашего брата, дурака, и надо. Отдай деньги, да и пошел прочь! Поцелуй пробой, да ступай домой. То есть так обидно, кажется... Фараоны! Веселую!

Ай береза, ты моя береза!

Иду я довольно равнодушно по улице, никого не трогаю, смотрю: из окна высунулась барышня... словно она меня кипятком ошпарила. Тут, думаю, вся моя гибель!.. Все свои глупости бросил, только по три раза на день в

цирульную завиваться ходил, на лик красоту наводил. Собаку ихнюю приучил, чтобы не лаяла, а с кухаркой дружбу завел, чтобы записки носила. Путался, путался – надоело: сваху подослал. Приняли меня отличнейшим манером. Дяденька ихний стал со мной в трынку играть, а маменька с дочкой на фортопьянах меня учить, а опосля того маменька приказали дом в голубую окрасить: очень я, говорит, нежный цвет люблю. Что этой слякоти сродственников повылезало – все на мой счет. Жри! купец заплатит!.. Порешили – опосля ярманки сватьба. Проводили меня в Нижний честь честью. Маменька два раза плакать принималась, спирт для воодушевления нюхала. Такая в Нижнем-то меня тоска взяла; подойду к буфету-то, посмотрю, как бутылки стоят, да и прочь: боялся сорваться на прежнее положение. Насилу дотерпел до конца ярманки. Приехал в Москву, завился и сейчас к невесте. Не дождались меня – за поверенного выдали! Как чумовой я бросился в Грузины, да две недели без просыпу там и орудовал. От коньяку шею свело!.. Два протокола составили! В тюрьме сидел за безобра-

зие! В сером пальте ходил! Одно только тепе-
рича и осталось: фараоны, в линию! Конокра-
ды, по местам...

*Спрятался месяц за тучки,
Больше не хочет гулять...*

БЛОНДЕН

Только приходим мы с приказчиком, с Иваном Федоровым, смотрим: народу видимо-невидимо, так валом и валит. Иван Федоров говорит: тут один на канате ломается. Пойдем, посмотрим... что за важное дело!.. Пришли в кассу. Какое, друг сердечный, представление? – Грамоте, говорит, умеете? – По печатному разбирать можем. Иван Федоров по печатному очень превосходно... Сейчас прочитал: – будет, говорит, великое восхождение по канату, с немцем, в пятьсот фунтов. Что, друг сердечный, верно на афишке обозначено, на чести, подвоху нет? Верно, говорит. А немца таскать будут? – Будут. Живого? – Живого. Почему билеты? – Вам, почтенные, в какие места угодно? Которые попроще... Целковый руб отдали. Вышел сейчас этот Блонден и пошел... Шел, шел – сорвался!! Барыни которые – так и завизжали!.. А ведь он, сударь мой, не упал... Слово, что ли, такое знает, али так счастье ему: зацепился штаниной, повис на воздушных – висит! Я говорю: Иван Федоров, когда ж немца-то? Вишь та-

щут. Смотрю: немец как есть настоящий и человек, надо полагать, степенный. Ну, думаю, шабаш брат, адью! Умора, сударь мой, как он его поволок: ухватил так-то... трогай! Батюшка, говорит, господин Блонден, пусти душу на покаяние. Нет, говорит, Карла Иваныч, сиди, а то уроню. Нам, говорит, публику обманывать не приказано, вишь: квартальный стоит. Протащил его, колено сделал – ему фору, а мы, грешным делом, в трактир, по рюмке померанцевой горечи перекувырнули – домой пошли.

ТРАВИАТА

А то раз мы тоже с приказчиком, с Иваном Федоровым, шли мимо каменного театру. Иван Федоров почитал-почитал объявление: – понять, говорит, невозможно, потому не нашими словами напечатано. Господин, что на афишке обозначено? Прочитал. Говорит: Фру-фру. В каком, говорим, смысле? Это, говорит, на ихнем языке обозначает настоящее дело. Так-с! Покорнейше благодарим... Господин городской, вы человек здешний, может слыхали: как нам понимать эту самую Фру-фру? Ступайте, говорит, в кассу – там все отлепоруруют. Пришли в кассу. Пожалуйте два билета, на самый на верх, выше чего быть невозможно. – На какое представление? – Фру-фру. Здесь, говорит, опера. Все одно, пожалуйста два билета, нам что хошь представляй. Иван Федоров, трогай! Ступай! Пришли мы, сели, а уж тальянские эти самые актера действуют. Сидят, примерно, за столом, закусывают и поют, что им жить очень превосходно, так что лучше требовать нельзя. Сейчас г-жа Патти налила стаканчик красенького, подает г-ну

Канцеляри: – выкушайте, милостивый государь. Тот выпил, да и говорит: очень я в вас влюблен. – Не может быть! – Верное слово! – Ну так, говорит, извольте идти куда вам требуется, а я сяду, подумаю об своей жизни, потому, говорит, наше дело женское, без оглядки нам невозможно... – Сидит г-жа Патти, думает об своей жизни, входит некоторый человек...

– Я, говорит, сударыня, имени-отчества вашего не знаю, а пришел поговорить насчет своего парнишки: парнишка мой запутался и у вас скрывается – турните вы его отсюда. – Пожалуйста, говорит, в сад, милостивый государь, на вольном воздухе разговаривать гораздо превосходнее. Пошли в сад. Извольте, говорит, милостивый государь, сейчас я ему такую привелегию напишу, что ходить ко мне не будет, потому я сама баловства терпеть не могу. Тут мы вышли в калидор, пожевали яблочка, потому жарко очень, разморило. Оборотили назад-то – я говорю: – Иван Федоров, смотри хорошенько. – Смотрю, говорит. – К чему клонит? – А к тому, говорит, клонит, что парнишка пришел к ней в своем

невежестве прощения просить: я, говорит, ни в чем не причинен, все дело тятенька напутал. А та говорит: хоша вы, говорит, меня при всей публике острамили, но, при всем том, я вас очень люблю! Вот вам мой патрет на память, а я, между прочим, помереть должна... Попела еще с полчаса, да Богу душу и отдала.

ОТ МИРОВОГО

Какое вчерашнего числа с нами событие случилось... Просто, на удивление миру! В нашем купеческом сословии много разных делов происходит, а еще такой операции, так думаю, никогда не бывало. Зашли мы к Москворецкому мосту в погребок. Нам сейчас новый прейс-куронт поднесли. «Давно желанное слияние интеллигенции с капиталом совершается. Интеллигенция идет навстречу капиталу. Капитал, с своей стороны, не остается чужд взаимности. В этих видах наша фирма настоящего русского шампанского и прочих виноградных вин, к предстоящей маслянице приготовила новую марку шампанского, не бывалую еще в продаже и отличающуюся от других марок своею стойкостью и некторальным вкусом. Москворецкий монополь N 1. Игривый N 2. Самый игривый, пробка с пружиной. При откупоривании просят остерегаться взрыва. N 3 Пли! свадебное. N 4 Нижегородский монополь с красным отливом. Высокий. В нашем же складе продаются следующие иностранные вина: Борисоглеб-

ская мадера с утвержденным этикетом, местного разлива, Херес Кашинский в кувшинах – аликант, старый. Ром Ямайский – жестокий. Тенериф...» На tenerиф-то мы и приналегли и так свои лики растушевали, такие колера на них навели, что Иван Семеныч встал, да и говорит: «должен я, говорит, констатировать, что все мы пьяные и по этому прейс-куранту пить больше нам невозможно, а должны мы искать другого убежища». А у самого на глазах слезы. Мы испугались, а приказчик говорит – «не беспокойтесь: этот tenerиф многие не выдерживают, потому, он в чувство вгоняет человека». Вышли мы, сели на тройку и полетели поперек всей Москвы. Народ по сторонам так и мечется, не может себе в понятие взять, что, может, вся наша жизнь решается. Городовые свистят! Иван Семеныч плачет навзрыд. Яша кричит ямщику: «вези уж прямо к мировому: все равно, завтра к нему силой потащат». Приехали в Стрельну, сделали там что-то такое, должно быть, не хорошее. Помню, что шум был большой, песельница из русского хора плакала, участковый протокол писал. Через три дня – пожалуйста! Вышел ми-

ровой, солидный человек, седой наружности. «Не угодно ли вам, господа, сюда к столу пожаловать?» Публика... срам!.. «Швейцар, расскажите все как было». Тот сейчас показывает на меня: «ухо, говорит, они мне укусили». – Не помню, говорю. Да ежели бы и помнил, так неприятно об этом рассказывать. В иступлении ума находился от тенерифу. Зачем начальство допускает такой тенериф? После него человека убить можно, а не то что ухо отгрызть. «А он что делал?» показывает на Ивана Семенова. – «Не могу, говорит, при публике доложить. Все прочие, которые только шумели, а они... просто, говорит, выразить не могу». Писал, писал этот мировой... «Прошу, говорит, встать». Все стали. По указу... там все прочее... На две недели в казенном халате ходить!.. Иван Семенов: «у меня, говорит, две медали на шее». – «Жалко, говорит, вы раньше не сказали: я бы вас на месяц посадил». Вот тебе и тенериф! Из-за пустяков какой срам вышел...

В ДЕНЬГАХ СЧАСТЬЕ

Говорят, – «не в деньгах счастье», а это, по нашему рассуждению, пустые бабьи слова: в деньгах все счастье, вся сила в них. Другому, по его положению, цена грош, нестоющий он никакого внимания, а ежели ему такая фортуна выдет: к хозяину в выручку хорошо слазит или другой какой оборот фальшивый сделает, ему сейчас и цена высокая. Да вот на моей памяти случай был: хозяйская дочь мальчика, без роду без племени, с улицы в дом привела, грамоте его обучила, а как стал подрастать, сейчас его к должности определила, спервоначалу хозяйские сапоги чистить, аль там сапопы в театре стеречь, а после к лавке приставили. Смотрим, паренек выходит шустрый, за получкой ежели небольшой к покупателю пошлешь из души вытянет. И такое ему дал Бог насчет этого понятие, как с покупателя деньги стребовать, даже нам было удивительно!.. Выровнялся паренек и стал во всей форме, хозяева стали его с собой за стол сажать, а там и приказчиком сделали. Хозяйка было уж ладила за него дочь отдать – криво-

бикенькая у них она была, никто не брал; только анбиция купеческая не позволяла: как есть из ничтожных людей, голый мещанин. А тот взял это себе сейчас в понятие и говорит хозяину: «— вся ваша воля, а существовать без вашей дочки я не могу». А та, к матери: «как угодно, говорит, в своем саду на яблоне удавлюсь, если за него не отдадите». Подумали хозяева, со сродственниками посоветовались. Один сродственник и говорит: «товар, сами видите, непервосортный, за стекло не выставишь. Отдавайте как есть. Вы его благодетели и будет он для вас стараться. Делать нечего». Обручается раб Божий Василий рабе Божией Гликерии... И фукнул через три года этот раб Божий Василий своего тестя, раба Божия Тарасия, по-родственному и так фукнул, что от него только пух полетел и супругу свою назад к родителям прислал. Извольте обратно получить, больше не требуется... ублаготворен; промежду арфистками не в пример есть красивее. Обругали его в публике спервоначалу разными словами, а опосля опять в хорошие люди записали. Придет он в клуб, сядет за стол, выставит бутылку шампанского, да, как

перепелов, на нее мимоходящую публику и наманивает. «Милости просим стаканчик»... «Покорнейше благодарим, очень приятно». И так превозвысился на хозяйские деньги, благотворительным членом где-то сделался, в депутациях разных стал ходить, слова за обедом говорить, на бег своих рысаков выпускать, в трактире комнату велел на свой вкус отделать, чтоб ему там с арфистками завсегда присутствовать, арапа какого-то заблудящего в холуи нанял, – смотрим – в банк директором сел. Все около него так и вьются, так и корчатся. Сила! И стал он подчищать этот банк, сначала помаленьку, пока в настоящую делов не распознал, а там пошибче, а там уж и в газетах стали печатать, что в банке дело не чисто, – года два печатали, а деньги там все подсылали. Кто-то догадался – внезапную назначили. Собралась эта внезапная во французском ресторане, стоворилась как действовать и налетела в банк. «Пожалуйста книги». – Извольте получить – «Позвольте освидетельствовать наличность». – Мы наличности не касались, мы подписывали; наличностью заведовал Василий Сергеевич. – «Василий Серге-

евич, позвольте наличность». Только нос обтер – вот тебе и наличность... И завизжали вкладчики на двенадцать голосов. Потащили директора в суд. Прокурор говорит: расхитил чужую собственность, тяжким трудом и лишениями скопленные бедным народом деньги; защитник говорит: никак невозможно, чтобы человек, сам вышедший из народа, воспитанный в благочестивом купеческом семействе, решился на мошенничество. Тут какое-нибудь недоразумение. Присяжные говорят: воровал с полным разумением; суд говорит: лишить его всех особенных прав, а директор себе говорит: все права мои при мне, в кармане, а особенных мне не надобно. Свезли его в места не столь отдаленные и живет он там припеваючи, приговаривая: «Чудесно в сих отдаленных местах жить с деньгами».

ТОСТ ГЕНЕРАЛА ДИТЯТИНА

«Мм. гг. Вы собрались сюда чествовать литератора 40-х годов Ивана Тургенева... Я против этого ничего не имею, и, по приглашению гг. директоров, явился сюда не приготовленным встретить здесь такое собрание российского ума и образованности. Хотелось бы и говорить, но говорить, находясь среди вас, трудно: во 1-х, разница наших взглядов, во 2-х, мое официальное положение, в 3-х, присущая людям нашей эпохи осторожность: нас учили более осматриваться, чем всматриваться; больше думать, чем говорить; одним словом, нас учили тому, чему, к сожалению, уже не учат теперь. Мм. гг.! Вы слишком молоды. Из вас нет ни одного, который был бы свидетелем того перелома и треска в литературе, которого я был свидетелем».

«В начале 30-х годов, – выражаясь риторическим языком, – среди безоблачного неба, тайный советник Дмитриев внезапно был обруган семинаристом Каченовским. Подняли шум... Критик скрылся... Далее, генерал-лейтенант, сочинитель патриотической истории

12-го года, Михайловский-Данилевский, был обруган. Были приняты меры... стало тихо. Но на почве, усеянной, удобренной мыслителями 30-х годов, показались всходы; это всходы заколосились и первый тучный колос, сорвавшийся со стебля в 40-х годах, были „Записки Охотника“, принадлежащие перу чествуемого вами литератора, отставного коллежского секретаря Ивана Тургенева».

«В простоте солдатского сердца, я взял эту книгу, думая найти в ней записки какого-либо военного охотника... оказалось, что, под поэтической оболочкой скрываются такие мысли, о которых я не решился не доложить графу Закревскому. Граф сказал: „Я знаю“. Я в разговоре упомянул об этом князю Сергею Михайловичу Голицыну. Он говорит: „Это дело администрации, а не мое“. Я сообщил конфиденциально митрополиту Филарету. Он мне ответил, что это „веяние времени“».

«Я увидал, что совершается что-то странное, – и посторонился.»

«Теперь я, мм. гг., стою в стороне, пропускаю мимо себя нестройные ряды идей, мнений, постоянно сбивающиеся с ноги, и всем

говору: хорошо! Но мне уже никто не отвечает: „рады стараться, ваше превосходительство!“, а только взводные кивают с усмешкой головой. Я кончил.»